

тературы”, “соколиная зоркость”; *метонимия*: “высокая в трагизме любовь”; *перифраза*: “угас могущественный гений”; *синекдоха*: “открывал для себя Шолохова”; *афористическое выражение*: “вечный, так как бессмертный”.

Итак, динамика правки текста некрологов, которую мы изучали и интерпретировали, доказывает, что перед нами публицистические произведения, которые принадлежат к группе тех, которые писались искренней рукой и были преисполнены жгучей боли из-за потери людей, которых уважал и любил автор, с которыми его в течение многих лет связывала дружба. Саморедктирование Олеся Гончара наглядно показало стремление писателя к нетрадиционному видению образа покойного с обязательным акцентированием на его месте в истории национальной культуры. Внося изменения в текст некрологических произведений, Олесь Гончар заботился о точности и лаконичности выражения и выдерживал жанровые каноны.

1. Абрамович А. В., Лазаревич Э. А. Практикум по литературному редактированию. – М., 1974.
2. Галич В. Н. Олесь Гончар – журналист, публицист редактор: эволюция: творческого мастерства. – К., 2004.
3. Галич А., Назарец В., Васильев Е. Теория литературы. – 2-е изд. – К., 2005.
4. Гончар О. Т. Дневники: В 3-х т.: Т. 2 (1968-1983). – К., 2003. .
5. Гончар О. Т. Незабываемый твой образ // Литературная Украина. – 1979, 20 февраля.
6. Гончар О. Т. Незабываемый твой образ // Семейный архив писателя. – 1 с.
7. Гончар О. Т. Письмо к М. А. Шолохову // Семейный архив писателя.
8. Гончар О. Т. Флагман советской литературы // Семейный архив писателя. – 1 с.
9. Гончар О. Т. Флагман советской литературы // Литературная Украина – 1970, 20 февраля.
10. Здоровега В.И. Теория и методика журналистского мастерства. – 2-е изд. – Львов, 2004.
11. Иванченко Р. Литературное редактирование. – 2-е изд. – К., 1993.
12. Івченко А.О. Тлумачний словник української мови. / Худож. – оформл. І. Осипов. – Харків: Фоліо, 2006. – 540 с.
13. Колесников М.П. Стилистика и литературное редактирование. – М., 2003.
14. Партыко З. В.Общее редактирование: нормативне основы. – Львов., 2001.
15. Ризун В. В.Литературное редактирование. – К., 1996.
16. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М., 2000.
17. Черникова Е.В. Основы творческой деятельности журналиста. – М., 2005.

СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КРЕАТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Меринов Валерий Юрьевич
Белгородский государственный Университет

Понятие «интеллигенция» до сих пор не имеет однозначного определения в философской публицистике. Существует, по крайней мере, два базовых определения интеллигенции: западное и российское. Тема интеллигенции в России традиционно привязана

к двум идеологическим темам: революционно-освободительному движению и формированию национального самосознания. Кроме того, существует возможно и креативное толкование понятия «интеллигенция», данное в начале XX века П.М. Милуковым, Д.Н. Овсяннико-Куликовским, в философско-публицистическом сборнике «Интеллигенция в России» (СПб, 1910). Эти определения, на наш взгляд, являются наиболее точными и взвешенными, более полно раскрывающими философскую суть этого сложного социального явления.

Ключевые слова: интеллигенция, «Вехи», публицистика, идеология, Лихачев, социально-идеологическое определение, креативное определение.

A definition «intelligent» don't have a monosemantic marking. It is a two basic definitions: Western and Russian. The theme of the intelligent is connected with two ideological themes: the revolution of liberation and the formation of the national self-awareness. It is a creation definition of the word «intelligent» that give in the beginning of XX century P.M. Milyukoff, D.N. Ovsjaniko-Kulikovsky in their philosophy-sociopolitical work «Intelligence in Russia». In our view are these definitions not a precise and not open the philosophy important of this difficult social phenomenon.

Keywords: intelligence, «Landmark», sociopolitical journalism, ideology, Lihachov, social- ideology definition, creative definition.

Появление понятия «интеллигенции», как определенной социальной группы, приписывают писателю П.Д. Боборыкину (1866), употребившего его в значении «высший образованный слой общества». Отдельными исследователями пальма первенства отдается поэту В.А. Жуковскому (1836), министру внутренних дел П.А. Валуеву (1865), профессору литературы А.В. Никитенко (1865) (1, с. 676-678).

К рубежу XIX – XX веков, понятие стало общеупотребительным и широко использовалось в художественной и философско-публицистической литературе. С тех пор существует, по крайней мере, два базовых определения интеллигенции: западное и российское.

В западном толковании понятия «интеллигенция» и «образованный класс» сливаются: «интеллигенция» есть социальная группа, занимающаяся умственным трудом. (10, С.38) В российских определениях нет общепринятых критериев. В большой степени они зависят от политических взглядов автора или интеллектуальной моды. И все-таки, некоторые устойчивые признаки можно определить.

Тема интеллигенции в России традиционно привязана к двум идеологическим темам: революционно-освободительному движению и формированию национального самосознания. А, так как, эти вопросы в России на протяжении последних двух столетий оказывались нерешенными, категория «интеллигенция» попадала под морально-нравственные определения, обеспечивавшие особый накал и пафос участников прений по данному вопросу.

Ведущий в отечественной философской публицистике социально-идеологический подход имеет несколько ответвлений. Условно их можно назвать:

- 1) довеховское, или прогрессистское;
- 2) веховское, или консервативное;
- 3) советское, или компилятивное.

Каждое из ответвлений задает свою интеллектуальную традицию, которая не прерывается с утверждением хронологически более поздней парадигмы.

Довеховский период представлен именами известных публицистов и общественных деятелей: В.Г. Белинского, А.И. Герцена, М.А. Добролюбова, Н.К. Михайловского. Авторы объединены единым пониманием исторического процесса, как эволюции общественно-политической мысли и интеллигенции, как единственного двигателя истории.

Это направление задает героическую парадигму в осмыслении фигуры интеллигента, в которой интеллигент – это революционер, борец за народное счастье. Борьба, как правило, ведется в двух плоскостях: первая – общественно-политическая, с властями, вторая – с народным невежеством, суевериями, неграмотностью.

Исходя из насущных практических задач, формировались представления о качествах интеллигентов:

а) этических: личная смелость, жертвенность, нравственная бескомпромиссность;

б) культурных: светская образованность, любовь к народу.

Некоторые аспекты прогрессистского понимания интеллигенции были подхвачены и веховцами, и советской обществоведческой мыслью. В последних случаях упор был сделан на временные конкретные исторические аспекты, которые подавались как константные. Так, интеллигенции, в качестве постоянных свойств, были приписаны антимоноархизм и народопоклонство. Разница состояла лишь в оценке этих качеств, она была противоположна.

Впервые в философской публицистике об интеллигенции заговорили «Вехи», вышедшие в 1909 году с подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». Надо сказать, что «Вехи» не только создали свою, т.н. «веховскую» традицию осмысления исторической роли интеллигенции, но и надолго определили пафос размышлений в этой сфере. «Веховцы» со страстью и гневом обрушились на интеллигенцию за утилитарные социальные идеи, за «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру», к «народному благу», которые, по мнению Н.А. Бердяева, парализовали «любовь к истине», за «народопоклонство» (Н.А. Бердяев), «противогосударственность», «безрелигиозность», «космополитизм» и «отщепенчество» (П.Б. Струве), за «героическое самоутверждение», «антисоборное», «антиколлективистское» (С.Н. Булгаков), за «деспотизм» и «распад личности» (М.О. Гершензон), за «нигилизм» (С.Л. Франк), за «бессемейность» и «бездомность» (А.С. Изгоев). (См. 3)

На основании идеологического критерия, «веховцы» посчитали интеллигентами лишь тех, кто на то время исповедовал леворадикальные политические идеи: «Замечательно, – писал П.Б. Струве, – что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» (9, 142).

В данном контексте интеллигенция предстает неким полигоном борьбы и оттачивания политических идей. Этому взгляду придерживаются и такие современные авторы, как А.А. Кара-Мурза, Л.В. Поляков («Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии», 1999), Г.И. Щетинина («Идейная жизнь русской интеллигенции. Конец – начало XX веков», 1995), Е.А. Дудзинская («Славянофилы в пореформенной России», 1994), а также В.Р. Лейкина-Свирская, Н.И. Цимбаева, А.А. Ливандовский.

В советской обществоведческой публицистике (А.В. Луначарский, С.А. Федюкин, В.Б. Кувалдин, П.В. Алексеев, Л.Я. Смоляков, Е.В. Амбарцумов, С.Н. Надель) концепция интеллигенции является наиболее противоречивой и эклектичной. Так, она опиралась на определение В.И. Ленина, гласившее, что интеллигентами являются «все образованные люди, представители свободных профессий» (5, с. 309 прим), и не могла не пройти мимо такого очевидного факта, как быстрый рост числа интеллигентов в постоянно модернизируемой стране. Например, авторы ФЭС отмечали, что «с началом научно-технической революции темпы роста интеллигенции ускоряются, обгоняя другие классы и социальные слои» (4, с. 216). Эта концепция питалась просветительскими установками марксизма, в рамках которых, «передовая» культура должна была нисходить с образованных верхов в народную толщу. А, раз так, на интеллигенцию возлагалась особая миссия «в создании, развитии и распространении культуры» (4, с. 216).

В связи с этим, исторические рамки появления интеллигентских форм пришлось раздвинуть в древнюю историю человечества и средневековье. «Предпосылкой появления интеллигенции, в ее первых формах, было отделение умственного труда от физического, когда возникли социальные группы, присвоившие себе монополию на государственное и общественное управление и другие формы умственной деятельности. Первой такой группой явилась каста жрецов. В средневековой Европе их место заняло духовенство, верхушка которого входила в класс феодалов ...» (3, 161).

Такая апологетика интеллигенции, признание ее все увеличивающейся численности в современной истории, монопольной культурной роли неожиданно сочетались с обратными утверждениями, согласно которым место интеллигенции в социальной структуре общества предельно умахалось. Здесь срабатывал марксистский тезис о примате в человеческой истории экономических отношений и отношений собственности, и то, что интеллигенция не принимала участия в производстве материальных богатств, что в глазах советского историка снижало ее социальный статус.

Таким образом, интеллигенция оказалась зажатой между двумя главными социальными классами, сверху – эксплуататорами (чиновники, буржуа и др.), снизу – эксплуатируемыми или народом (пролетарии и крестьяне). Интеллигенции в социальной структуре общества была уготована довольно скромная роль «прослойки», обслуживающей чьи-либо классовые интересы, в зависимости от государственно-политического устройства. Кроме того, снижающим статус интеллигенции стала социальная неоднородность и социальная маргинальность, выражающаяся в том, что в ряды

интеллигенции «рекрутируются» люди из различных классов (3, 161). Такое понимание интеллигенции повлекло за собой ряд концептуальных последствий. Первым результатом такого одностороннего социально экономического обоснования термина явилась тенденция к растворению самого социального феномена в больших социальных единицах за счет:

а) повышения культурно-образовательного уровня массы рабочих и крестьян; роста слоя рабочих, сочетающих физический труд с интеллектуальными функциями анализа и контроля; увеличения числа профессий и рабочих мест, требующих специалистов, в том числе, высшего образования;

б) тяги «интеллигенции к физическому труду в свободное время; растущего числа социально смешанных семей, объединяющих рабочих крестьян и представителей интеллигенции» (4, с. 217).

Парадоксальность ситуации усиливалась за счет того, что порой в интеллигентской среде обнаруживались некие свои, собственные, не относящиеся к другим классам традиции и социальная корпоративность. Этот факт удивлял и настораживал, так как «традиционный индивидуализм интеллигенции, специфические корпоративные интересы некоторых ее групп, например ИТР, сдерживают их вовлечение в организации трудящихся, а иногда приводят к противодействию борьбе рабочего класса» (4, с. 217).

Таким образом, в советском обществоведении нехотя, через идеологические ярлыки признавалось наличие у интеллигенции собственных социальных традиций («индивидуализм») и своих, пусть и ошибочных, классовых интересов, приводящих порой ее на грань классового конфликта с пролетариатом. Противоречия пытались снять внедрением терминов «социалистическая, советская, прогрессивная» интеллигенция.

Настораживало и пугало еще одно неистребимое качество интеллигенции: неспособность, или, того хуже, сознательное нежелание сплотиться вокруг какой-либо одной светлой идеи, например, идеи социальной революции. Недостаточная или чрезмерная революционность российской интеллигенции активно разоблачалась, ведь то и дело какая-то ее часть норовила соскользнуть в «правый» или «левый» уклон. Впрочем, именно противоречивость и эклектичность концепции создавали пространство, внутри которого существовали следующие объяснения слову «интеллигент»:

а) культурно-ориентированные – это человек, «обладающий большой внутренней культурой» (2, с. 251), под которой понималось не столько высокое образование, сколько определенный образ жизни и строй мыслей: «интеллигентское поведение», уважение чужого мнения и чужого достоинства;

б) культурно-художественные, интеллигенция – носитель «культуры», под которой понималось художественное творчество (Г.Е. Петровская «Театр и зритель в провинциальной России. Вторая половина XIX в.» (1979); Г.Е. Петровская «Театр и зритель в провинциальной России. 1895-1917 годы» (1990); Д.В. Соробянов «История русского искусства второй половины XIX в. Курс лекций» (1989); Г.Ю. Стернин «Художественная жизнь России середины XIX в.» (1991); Г.Ю. Стернин «Художественная жизнь России 1900-1910 гг.» (1988).

в) художественно-идеологические, в которых морально-идеологический аспект вплетался в литературно-эстетические исследования. Здесь интеллигенция, в лице ее «ведущих представителей», великих писателей и литературных критиков, рассматривалась в контексте революционно-политического общественного движения (Г.А. Гуковский, Л.Я. Гинзбург, Л.М. Лотман, Д.Д. Благой, Н.Я. Берковский, Г.А. Пospelов, Б. Эйхенбаум) не входившие в круг «демократически» настроенных (В.В. Набоков, И.С. Шмелев, Г. Газданов) не попадал в число видных, а, значит, представлял разве что «отщепенческую» ветвь интеллигенции.

Таким образом, существует ряд общих недостатков, свойственных социально-идеологическому пониманию понятия «интеллигенция».

1. Интеллигенцией объявлялась часть образованного класса, приемлемая для политической концепции автора.

2. Интеллигенция выводилась за рамки мирового и общеевропейского исторического процесса. В том числе, образование городской цивилизации с ее полифонической социальной средой.

3. Как правило, сама идеологичность интеллигенции оценивалась в глазах современников негативно.

Весьма сомнительна прикрепленность интеллигенции к определенному:

а) классу или социальной группе;

б) взгляду на мир (религиозному, философскому, идеологическому или моральному);

в) роду деятельности.

Кроме социально-идеологического в философско-публицистической литературе существует креативное толкование понятия «интеллигенция», данное в начале XX века П.М. Милюковым, Д.Н. Овсяннико-Куликовским, в философско-публицистическом сборнике «Интеллигенция в России» (СПб, 1910), а в конце века Д.С. Лихачевым. Эти определения, на наш взгляд, являются наиболее точными и взвешенными, более полно раскрывающими философскую суть этого сложного социального явления.

Для Д.С. Лихачева ни социальный статус, ни образ жизни не имеют решающего значения, даже образование берется им только в сочетании с высоким нравственным званием. Д.С. Лихачев связывает определение интеллигенции с интеллектуальной независимостью понимаемой, прежде всего как политическая независимость от государственной власти. Поэтому сами представители власти, к примеру, Петр I, не попадает в список интеллигентов.

Кроме того, Д.С. Лихачев вводит различия между понятиями интеллигент и профессионал, под последними понимая «талантливых и энергичных практиков», «профессионалы это – государственные деятели, военные строители, моряки и рабочий люд – шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его (Петра I – М.В.) идеи, а не создавать их... Основной принцип интеллигентности, – продолжает ученый, – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли» (6, с. 623).

Таким образом, для Д.С. Лихачева главным критерием в определении категории интеллигенция является интеллектуальная свобода, личностность. По его мнению, в фигуре интеллигента произошло «соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззрением». (6, с. 625) Противостояние категорий интеллигентность – неинтеллигентность укладывается в следующие позиции: широкообразованный – «профессионал»; мыслитель – практик; духовная стойкость, мужество – малодушие; нравственность – моральная нечистоплотность.

Креативная позиция была представлена и в начале XX века. По нашему мнению, сборник «Интеллигенция в России» – вполне удачная попытка учесть социологические, психологические, идеологические, политические, образовательные, культурологические факторы при объяснении феномена интеллигенция. Кроме того, авторы сборника связали идеологический настрой интеллигенции с изменчивым историческим контекстом, они попытались преодолеть ограниченный, сугубо идеологический подход «Вех», по которому политический радикализм оказался, чуть ли не постоянным и единственным качеством российского интеллигента. Данный подход позволили авторам подойти к следующим концептуальным выводам:

а) Интеллигенция не является только русским явлением: «Ведь и в других странах интеллигенция, как общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизации управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллектуального труда. И эволюция интеллигентского духа в других странах представляет ряд любопытных аналогий с нашей историей» (7, с. 302);

б) Особая идеологичность российской интеллигенции не более чем миф. Так, «параллельные явления» авторы небезуспешно искали и находили и в Германии, и во Франции, и в Англии. Идеология – лишь одна из возможных форм интеллигентского творчества;

в) Интеллигентские традиции имеют собственную историю: «...предстоящие перемены. Несомненно, огромные и желательные сами по себе, не поставят, однако, креста на истории русской интеллигенции, не заменят ее чем-либо совершенно иным, а, просто, продолжат дальнейшее развитие той же традиции, которая создана историей двух последних столетий» (7, с. 296);

г) Были обнаружены устойчивые формы передачи традиции и механизмы ее эволюции: «С самого своего возникновения русская интеллигенция постепенно переходит из состояния кружковой замкнутости на положение определенной общественной группы. Индивидуальные сотрудники Петра, товарищи по школе при дворе Елизаветы, оппозиционеры-масоны и радикалы Екатерининского времени, потом военные заговорщики, читатели и поклонники Белинского, единомышленники Чернышевского, учащаяся молодежь, «третий элемент», профессиональные союзы, политические партии – все это постепенно расширяющиеся, концентрические круги. Их пре-

емственная связь свидетельствует и о росте, и о непрерывности интеллигентской традиции» (7, С. 296);

д) Интеллигенция не является чем-то единым: «ни центральное ядро интеллигенции, ни образованную среду, конечно, нет надобности представлять едиными. Первая так многообразна и сложна, как могут быть различны индивидуальности творчества или критики» (7, с. 3520);

ж) Понятия «интеллигенция» и «образованный класс» авторы развели лишь частично, определив их, как взаимозависимые и дополняющие друг друга. Представив их как «...отношения двух концентрических кругов. Интеллигенция – тесный внутренний круг: ей принадлежит инициатива и творчество. Большой круг «образованного слоя» является средой непосредственного воздействия интеллигенции. С расширением круга влияние изменяется и размер, и характер интеллигентского воздействия. Начавшись с индивидуального, личного, кружкового, эмоционального и непосредственного, влияние это становится литературным, коллективным, рациональным и научным... Районы действия отдельных мыслителей и кружков сокращаются и взаимно перекрещиваются» (7, с. 299).

-
1. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М. 1991.
 2. Интеллигент // Ожегов С.И. Словарь русского языка под ред. Н.Ю.Шведовой. – М. 1990.
 3. Интеллигенция // Философский словарь. Под ред. Фролова И.Г. Изд. 6, – М. 1991.
 4. Интеллигенция // ФЭС. Ред. кол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичев и др. 2-е изд. – М. 1989.
 5. Ленин В.И. ПСС, Т. 8. – М. 1965.
 6. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Раздумья о России – СПб. 1999.
 7. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. – М. 1991.
 8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М. 2001.
 9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. – М. 1991.
 10. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. – Смоленск. 2001.

ПАФОС И ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ПЕРВОМ ОЧЕРКЕ М.А. БУЛГАКОВА «ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Меринов Валерий Юрьевич
Белгородский государственный Университет

Очерк М.А. Булгакова «Грядущие перспективы» считается первым опубликованным произведением Мастера. Общепринято рассматривать его пафос как некое предвидение трагического пути писателя. На самом деле, очерк полон оптимизма, а главный герой – доброволец, представляет собой сочетание идеальных положительных качеств.

Ключевые слова: очерк, вина, расплата, доброволец, Булгаков, Чудакова.

Bulgakovs essay «The coming perspectives» is the first published work of the famous writer. The fervor of this work is a prediction of the tragic author's life. In practice the essay is optimistic and the hero go with all positive qualities.